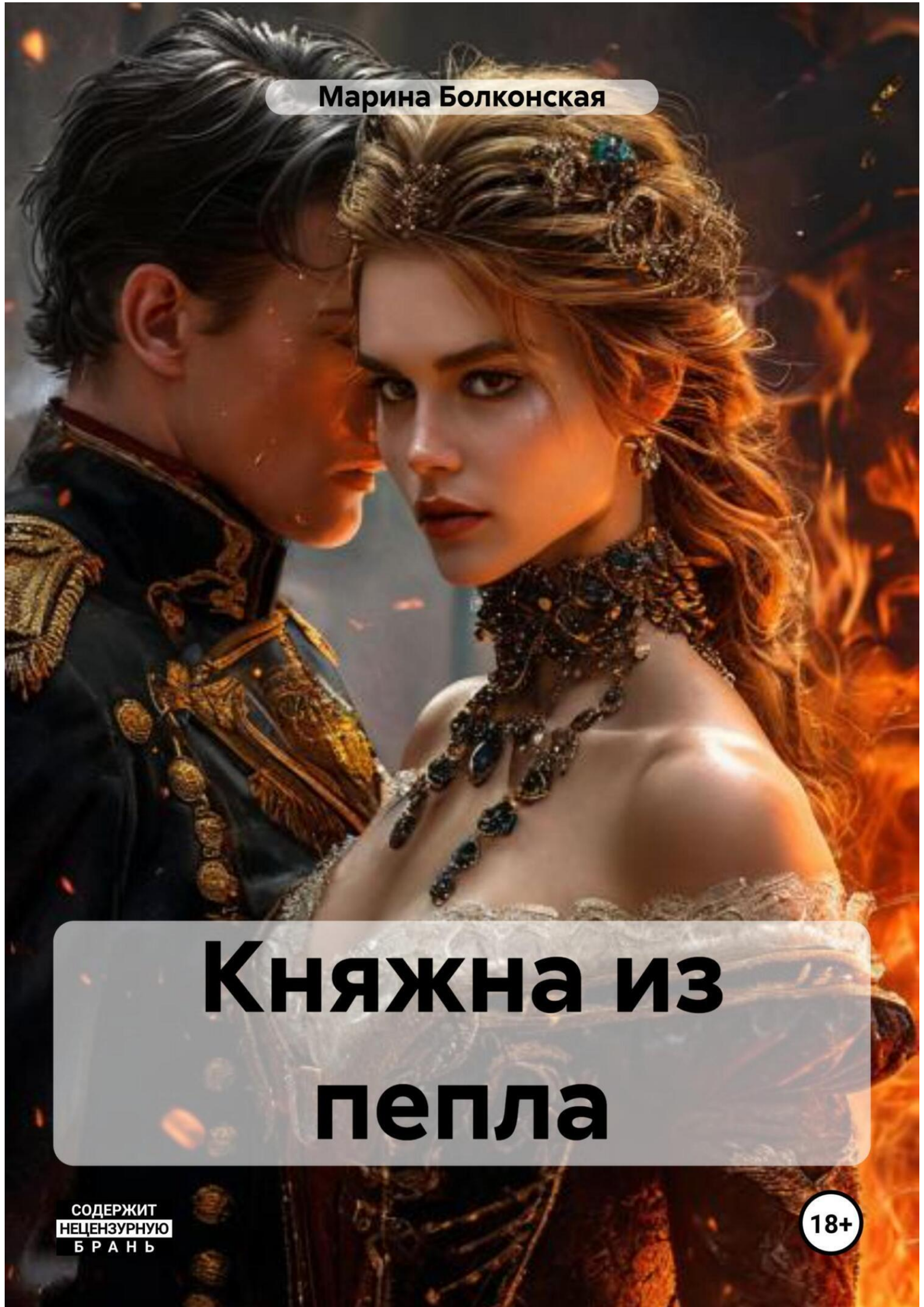

Марина Болконская

Княжна из пепла

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марина Болконская

Княжна из пепла

«Автор»

2025

Болконская М. В.

Княжна из пепла / М. В. Болконская — «Автор», 2025

Она сгорела в огне предательства, чтобы возродиться из пепла. Анастасия — княжна, ставшая куртизанкой. Манон — холодная обольстительница, забывшая слёзы. Её жизнь — череда смертей и воскрешений, где любовь граничит с местью, а доверие — с предательством. Она убивала. Её преследовали. Ей мстили. Но когда полицмейстер Колчин впервые заглянул в её досье, он не знал главного: эта женщина не жертва. Она — феникс, и её возрождение изменит всех, кто осмелился сломать её. Кем она станет в финале — даже она не знает... пока не сделает последний шаг. История о том, как из пепла прошлого рождается новая жизнь. И как за любовь иногда приходится платить кровью.

Содержание

Из дневника Анастасии, 1826 г.	5
Часть первая. Падение (гл. 1–8)	7
Глава 1. Петербург, 1815 год	7
Глава 2. Появление мачехи.	9
Глава 3. Проклятие.	13
Глава 4. Дом мадам Леруа	16
Глава 5. Кровь на малиновых шторах	19
Глава 6. Визит полицмейстера.	21
Глава 7. Доктор Гросс.	24
Глава 8. Первый урок.	26
Часть вторая. Тень (гл. 9-16).	29
Глава 9. Рождение брата.	29
Глава 10. Уроки обольщения	31
Глава 11. Уроки в алом будуаре	33
Глава 12. Аукцион страсти	35
Глава 13. Первая ставка.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Марина Болконская

Княжна из пепла

Из дневника Анастасии, 1826 г.

«Они думали, я сгорю. Но я научилась летать»

Тишина.

Только часы где-то тикают, отсчитывая последние секунды чьей-то забытой жизни. Стиснув зубы, я смотрю на бледное лицо мертвой девушки. Руки в крови, но это не её кровь. Это кровь невинности, которую здесь все продали. Или у кого-то её украли.

Смотрите... просто смотрите.

Она даже в смерти красива. Шестнадцать – и уже мертва. Шестнадцать – а её уже нет. Шестнадцать – а её имя забудут к утру.

На миг остановилось время. Глаза безучастны, пальцы дрожат, сжимая окровавленную ткань.

Он даже не запомнит, как её звали. Потому что для него она – просто очередная. Как я. Как все мы. Выпил, наслаждался, ударил – ушел. А завтра его карета проедет мимо этого дома, и он даже не вспомнит, что здесь лежит её тело.

Я бью кулаком в зеркало. Стекло трескается, и мое отражение распадается на осколки. В них – обрывки другой жизни.

Белое платье с голубыми лентами...

Сад, наполненный ароматом сирени...

Мамины руки, теплые от солнца...

Теперь мои руки помнят иные ласки – те, что оставляют синяки подкруженным перчаток.

Я думала, что дворянская кровь – это привилегия, а не проклятие.

Мать предательски умерла. Пришла мачеха. Пришел новый порядок. А потом пришел он – отец, для которого я стала... обузой. Дорогой, но ненужной вещью.

Он назвал меня слабой! – горькая усмешка рвёт мне горло. – Да, именно так, подписывая бумаги о моей продаже в дом мадам Леруа.

Труп на полу будто шевелится – нет, это лишь моя тень дрогнула. За окном проезжает карета, и на мгновение мне кажется, что я вижу там себя – ту, прежнюю, с бантами в волосах и глупой улыбкой.

Я накрываю лицо девушки кружевным шарфом. Алые пятна медленно расползаются по белой ткани.

– Прости, – шепчу я, ощущая, как что-то горячее катится по щеке. – Но я отомщу за нас обоих.

Где-то в городе бьют колокола. Где-то смеется мой отец. А в разбитом зеркале теперь две меня:

Та, что умерла в шестнадцать.

И та, что осталась, чтобы хоронить других.

А знаешь, что самое смешное? Если завтра я окажусь на её месте... меня тоже вынесут тихо. Тоже закопают глубоко. Тоже забудут быстро.

Я взглянула в окно – там, за стеклом, Петербург переливается позолотой куполов и витрин, холодным блеском, что обжигает глаза, но не греет душу.

Но я... я не хочу быть забытой.

Тихий шёпот застрял в горле комом. Я отвела взгляд от бездыханного тела, но образ мертвой девушки будто прилип к векам.

Мы все здесь – уже мертвые. Просто некоторые ещё дышат.

Где-то в глубине памяти всплыл смех – звонкий, детский, её собственный. Такой далёкий, будто принадлежал совсем другому человеку. Другой жизни.

–...будто и не моей.

Часть первая. Падение (гл. 1–8)

Глава 1. Петербург, 1815 год

Мамин смех звенел, как хрустальный колокольчик, разбивающийся об колонны зимнего особняка.

– Лови, Настенька!

Княгиня Зарина подбросила в морозный воздух горсть снежинок – жемчужных, как слезинки ангела над застывшей Невой. Пятилетняя Анастасия, задрав пухлые ручки в кружевных варежках, кружилась в этом серебристом вихре, и каждая снежинка, опускаясь на её золотистые кудри, казалась бриллиантовой звёздочкой, вплетающейся в живую корону зимы.

– Мама, я принцесса?

– Нет, солнышко моё, – мать опустилась на колени, обняв дочь. Ее голубые глаза блестели, как брызги садовых фонтанов, на солнце. – Ты лучше принцессы. Ты – моё единственное счастье.

За последним словом повисла странная пауза.

Княгиня подняла глаза. На втором этаже, за мутным стеклом, застыла высокая, худощавая тень. Их взгляды встретились на мгновение – и мать Анастасии резко отвернулась, будто обожглась.

Князь Арсений стоя у окна наблюдал, как жена и дочь кружатся в снежном хороводе. Перчатка беспокойно переходила из руки в руку. Как будто он пытался найти ей правильное место. Длинные пальцы с безупречным маникюром машинально поправили очки на тонком носу.

Смех Анастасии долетал приглушённо, словно из другого измерения. «Слишком громко». Князь сжал в руке перчатку, как удав – ветку.

Тяжёлый вздох. Он закрыл глаза – лишь бы не видеть, как они счастливы.

Когда веки поднялись, на лацкане тёмно-синего сюртука уже таяла снежинка. Он смахнул её резким движением – будто стряхивал паутину, внезапно опутавшую его.

– Ваше сиятельство, – за спиной закашлял управляющий. – Госпожа Эйхлер прибыла.

Арсений не повернулся. В отражении окна он видел, как его жена подбрасывает в воздух снег, и этот жест – широкий, свободный – вызвал в нём странное ощущение. *«Как будто она сеет что-то. Что прорастёт без моего разрешения».*

– Пусть подождёт в голубой гостиной, – сказал он ровным голосом, но челюсть свело так, что в висках застучало.

Управляющий поклонился и вышел. Арсений остался один с этим видением за стеклом: его дочь, вся в кружевах и мехах, ловила падающий снег. *«Её пальцы ещё не знают, как больно обжигает холод. Как лёд режет кожу. Как снег, который кажется таким чистым, всегда тает в грязь».*

Он резко развернулся и потянул за шнур звонка. Когда лакей появился, князь сказал всего два слова:

– Оранжею закрыть.

Глаза слуги расширились – в оранжеее было минус пятнадцать, а на княгине только лёгкая шаль... Но спорить с Зариным не смел никто.

Перед тем как выйти, Арсений взглянул в зеркало: его лицо было совершенно спокойным. Только в уголках губ пряталась тонкая складка – та самая, что появлялась, когда он слышал, как кто-то называет его дочь «счастливым ребёнком».

«Счастье – это дисциплина», – думал он, поправляя перстень с фамильным гербом. «А дисциплина начинается с холода».

– Мама, а папа почему не играет?

Княгиня на мгновение замерла. Ее пальцы, только что такие теплые на плечах дочери, вдруг стали холодными.

– Папа... очень занят, золотце. Он охраняет наше царство.

– Как дракон? – Анастасия захихикала, представляя важного отца с огнедышащей пастью.

Мать странно вздрогнула:

– Да, моя умница. Именно как дракон.

В этот момент из дома донесся звон разбитого стекла. Княгиня резко обернулась. На террасе стояла горничная с пустым подносом – разлитый чай растекался по мрамору кровавым пятном.

– Простите, ваше сиятельство... – девушка дрожала. – Я...

– Ничего, Дуняша, – голос княгини вдруг стал очень тихим. – Принесите новый сервиз. Гостя надо встречать... достойно.

Она крепче сжала руку дочери, и Анастасия почувствовала – мамино сердце бьется так быстро, будто хочет выпрыгнуть из груди.

– Мама, тебе больно?

– Нет, родная. Просто... – она наклонилась, прижавшись губами к детскому лбу, и вдруг почувствовала, как в висках застучало, а перед глазами поплыли темные круги.

Три капли крови упали на снег.

Анастасия не сразу поняла, откуда они взялись – алые, почти черные на фоне белизны. Потом увидела: мать прижала к лицу платок, и сквозь тонкое полотно проступало багровое пятно.

– Мама?

– Ничего, солнышко, – княгиня Зарина улыбнулась, но губы дрожали. – Просто... зимний воздух слишком резкий.

Она протянула дочери розу – последнюю в саду, с обледеневшими лепестками. Анастасия потянулась за цветком, но мать вдруг вскрикнула, схватила за живот и рухнула на колени.

– Мама!

Кровь хлынула из носа, изо рта, заливая кружевной воротник. Снег вокруг почернел.

– Арсений! – закричала княгиня, но муж, стоявший на крыльце, не шелохнулся.

Только когда судороги скрутили тело жены, он медленно спустился по ступеням, поправил перчатку и холодно бросил лакею:

– Уберите это.

Анастасия поняла слово «это».

Она рванулась к матери, но отец схватил ее за плечо.

– Не трогай. Ты запачкаешься.

В тот момент, когда слуги уносили окровавленное тело, Анастасия заметила две детали. На снегу рядом с матерью лежал окровавленный платок с фамильной вышивкой. И из окна второго этажа за всем наблюдала незнакомая дама в сиреновом платье.

Через пару дней эта дама станет ее мачехой.

А пока пятилетняя девочка сжимала в кулаке ледяную розу, не понимая, что это – последний подарок от человека, который любил ее по-настоящему.

Глава 2. Появление мачехи.

Анастасия стояла на коленях перед дубовым гробом, вцепившись в край материнского савана. В доме пахло воском, ладаном и мокрым мехом – шубы плакальщиц не успели просохнуть после снега.

Её отец, князь Арсений Зарин, сжав кулаки, наблюдал за священником. Его губы шевелились – не в молитве, а в тихом монологе Вольтера, который он повторял как заклинание:

«Écrasez l'infâme!»¹ (с франц. «Раздавите гадину!») – его любимая фраза о религии.

Но когда священник поднял кадило, Арсений механически перекрестился – жест, выточенный поколениями предков.

Слезы Анастасии падали на серебряный крест матери.

Священник, замечая насмешливый блеск в глазах князя, ускорил службу.

– Со святыми упокой...

– Довольно! – Арсений резко поднял руку. – Покойная не любила долгих церемоний.

Когда гроб закрыли, Анастасия слышала, как отец бросил в снег монету нищему.

– На помин души... хотя её нет.

В тот момент в детской душе свершилось нечто страшнее, чем смерть матери.

Она не спрашивала, почему Бог забрал маму – пятилетние ещё не требуют от небес справедливости. Её смутило другое: отец, который смеялся над молитвами и называл иконы «тёмными досками», теперь дрожал перед ними.

Его пальцы сжимали молитвенник так, будто это была тайная инструкция по спасению, а не просто реквизит для спектакля. Он заставил священника сократить чинопоследование, но не посмел отказаться от отпевания вовсе – словно в глубине души всё ещё боялся, что мать увидит его будущие грехи.

«Значит, Бог есть?» – подумала Анастасия, наблюдая, как отец крестится небрежно, но точно, как учили в детстве. «Но тогда Он... разрешил это? Или Ему всё равно?»

В её сознании рухнуло не детское доверие к Богу, а вера в то, что взрослые знают правду. Если даже отец – такой сильный, такой умный – лицемерит перед небом, значит, в мире нет ничего настоящего. Ни любви, ни веры, ни справедливости.

Только правила игры, которые сильные устанавливают для слабых.

Похороны княгини Зариной прошли тихо – слишком тихо для женщины, чей смех ещё недавно звенел в оранжерее.

Гроб опускали в землю под монотонный шепот священника, когда Анастасия впервые поняла запах смерти. Не вонь тления – нет. Сладковатый, с горчинкой, как пережаренный миндаль в рождественских пряниках. Он вился за складками чёрного крепа, прятался в букетах замороженных фиалок, лип к ладоням отца, когда тот впервые взял её за руку – не для утешения, а, чтобы резко одёрнуть от края могилы.

– Стой смирно, – прошипел Арсений. Его пальцы впились в запястье так, что наутро останутся синие отпечатки.

Анастасия не плакала. Она считала снежинки на плечах гостей, пока те бросали в яму комья промёрзшей земли. Сто тридцать семь. Столько же, сколько лепестков было в последнем букете матери.

Могилу уже засыпали, когда князь Арсений прикоснулся к плечу Аси, чтобы показать направление к карете. Это касание не согревало – оно обожгло, как удар плетью.

¹ Фраза «Écrasez l'infâme!» (с франц. «Раздавите гадину!») – это знаменитый призыв **Вольтера**, направленный против религиозного фанатизма и церковной власти.

Но прежде чем Анастасия успела почувствовать боль от этого жеста, её взгляд упал на человека, оставшегося у могилы. Доктор Людвиг Гросс. Тот самый, кто осматривал мать в последний вечер, его тонкие пальцы поправляли очки, когда он говорил: «Просто мигрень, сударыня». Подписывал свидетельство о смерти «Остановка сердца».

– Марфа, – князь кивнул дорожной служанке, не глядя на Анастасию, – отвези её отдельно. В большой карете... ей не место.

Сто тридцать семь шагов – от могилы матери до чёрной кареты с потёртыми колёсами.

– Садись, барышня, не задерживай, – Марфа шаркнула лаптями по снегу, хватая девочку за локоть так, будто та была украденной кошелкой.

Карета пахла мокрой овчиной и уксусом – будто кто-то пытался стереть следы болезни.

– Почему я не еду с папой? – Анастасия впилась ногтями в дверцу.

– Потому что твой отец теперь холостой... жених, – бросила Марфа, с силой отдирая детские пальцы от дерева. – А ты – лишний груз.

Карета дёрнулась, и Анастасия в последний раз увидела через запотевшее окошко слуг, засыпающих могилу матери еловыми ветками (чтобы земля не просела к весне). Отца, уже снимающего траурный креп с рукава.

– Прикрой глазёнки, сорока, – прохрипела Марфа, натягивая на окно засаленную занавеску. – Не к добру мёртвых провожать взглядом.

Карета скрипела на ухабах, будто старая женщина, стонавшая от боли. Запах уксуса становился резче – кто-то явно вымывал здесь рвотные пятна.

Анастасия прижалась в угол.

– Мы разве не возвращаемся домой?

Марфа фыркнула, доставая из-под скамьи плоскую фляжку.

– Какой тебе дом, голубка? Теперь там гнездо чужой кукушки.

За окном промелькнули знакомые липы – значит, ехали всё-таки в усадьбу. Но не по парадной аллее, а чёрным ходом, мимо скотного двора.

Внезапно Марфа вздрогнула, роняя флягу. Жидкость растеклась по полу, пахнув сладковатой горечью.

Анастасия замерла – этот запах она знала. Тот самый, что стоял в оранжерее, когда упала мама.

– Молчи, – прошипела Марфа, зажимая ей рот лапой. – Это для слабых нервов барыни новой. Чтoб не чувствовала, как земля по покойнице плачет.

Где-то впереди залаяли собаки – встречали хозяйскую карету.

Анастасия сжала в кулачке снежный комочек, занесённый на сапожке. Он таял, оставляя на ладони след, похожий на слезу.

В усадьбе пахло чужими духами.

– Кто это? – Анастасия ухватилась за юбку горничной, глядя, как по главной лестнице медленно поднимается женщина в лиловом – цвете, который носили только вдовы да падшие.

– Госпожа Эйхлер, – прошептала Марфуша, отводя глаза. – Теперь... ваша новая матушка.

Элеонора остановилась на площадке, повернула голову. Стекланные глаза скользнули по девочке – без интереса, как по пыльной вазе в углу.

– Арсений, – голос звенел, как тонкий нож по хрусталу, – мне не нравится этот запах.

Князь мгновенно появился в дверях:

– Какой, душенька?

– Миндаль. – Её ноздри дрогнули. – Он везде.

Анастасия прижалась к стене. Она знала этот запах – он остался на маминой подушке, в складках её ночного платья. Теперь же он витал в каждом уголке усадьбы, смешавшись с резким ароматом свежей краски.

Через приоткрытую дверь гостиной девочка увидела, как двое рабочих в заляпанных лиловой краской холщовых рубахах выносят мамин розовый диван – тот самый, где мама читала ей сказки.

– Быстрее! – крикнул из глубины дома резкий женский голос. – Барин уже здесь, всё должно сиять!

Анастасия прикрыла ладонью рот, чтобы не закричать, и побежала к парадному входу, спотыкаясь о перевёрнутые стулья.

На пороге стояла незнакомая горничная в накрахмаленном чепце. На её груди ярко алела мамина брошка – золотая роза с каплей рубина в середине.

– Барышня Анастасия Арсеньевна? – горничная скривила губы в чём-то похожем на улыбку. – Ваша комната теперь в западном флигеле. Госпожа Эйхлер распорядилась.

Анастасия не двигалась, уставившись на брошку.

– Это... мамино... – прошептала она.

Горничная намеренно коснулась украшения пухлыми пальцами:

– Теперь это моё. Новая хозяйка разрешила. Вам бы пойти умыться, барышня – вы похожи на привидение.

Из глубины дома донёсся хрустальный смех Элеоноры, а вслед за ним – глухой голос отца.

– Прибери эти дурацкие куклы в чулан. Они мне мешают.

Анастасия вдруг поняла, что стоит босиком на ледяном полу, а её носочки – те самые, что вязала мама, – кто-то уже выбросил в корзину для тряпья.

Где-то упала крышка от маминой шляпной коробки, и этот звук прозвучал как последний аккорд похоронного марша.

Ночью девочка проснулась от хрустального звона – где-то разбилось зеркало.

Анастасия лежала, уткнувшись лицом в жесткую подушку, когда услышала – сквозь вой ветра – знакомый скрип.

Тот самый, что раздавался, когда мама пробиралась к ней тайком, после вечерних приемов.

Сердце девочки бешено заколотилось. Она сорвалась с кровати, босиком побежала по ледяным половицам, не чувствуя холода.

Дверь в мамину бывшую спальню стояла приоткрытой. Внутри пахло чужими духами и... чем-то еще. Чем-то родным.

Анастасия зажмурилась, вдыхая. – Ромашковый чай...

На полу, в углу, валялась одинокая перламутровая пуговица – от маминой ночной рубашки. Та самая, что всегда холодела под пальцами, когда девочка в страхе будила мать по ночам.

Она упала на колени, сжав находку в кулаке так, что перламутр впился в кожу.

– Что ты здесь делаешь?!

Резкий свет ударил по глазам. В дверях стояла Элеонора в лиловом пеньюаре, с свечой в руке. За ее спиной маячила фигура отца.

– Я... я искала...

– Врешь! – Элеонора взмахнула рукой. Пуговица вылетела из пальцев Анастасии, покатилась по полу и – о ужас – затерялась в щели между половиц.

– Марфа! Дуня! – взревел Арсений. – Немедленно сюда!

Уже через пять минут в коридоре выстроились все служанки. Босые, в одних ночных рубахах, они дрожали не столько от холода, сколько от страха.

– Кто пустил ее сюда? – шипела Элеонора, бросая свечу на пол. Воск расплылся кровавым пятном.

Тишина.

– Тогда все получают по двадцать розог!

Первой повели Дуню. Ее визг разорвал ночную тишину, смешавшись со скрежетом метлы, которой Элеонора вымела последние мамины вещи на двор.

Анастасия стояла у окна, прижав косяк ко лбу. Где-то там, в щели между половиц, лежала ее последняя находка.

А во дворе уже разгорался костер – мамины платья, книги, даже тот самый розовый диван пылали, освещая лица слуг красными отблесками.

Запах гари смешался с ароматом миндаля.

Глава 3. Проклятие.

Три года прошло с тех пор, как мамин смех затих в оранжерее. Три года, как Анастасия перестала быть барышней Зариной и стала «сироткой на побегушках» в собственном доме.

Три зимы.

Первая – когда она плакала по ночам в западном флигеле, прижимая к груди мамину перламутровую пуговицу.

Вторая – когда перестала плакать и начала считать дни по зарубкам на подоконнике.

Третья – нынешняя, когда она научилась молчать и видеть то, что другие не замечали.

Однако, была странная милость.

Отец не любил её – это Анастасия знала твёрдо. Но в его холодной жестокости была странная непоследовательность.

Каждую среду в усадьбу приходили учителя.

Мадемуазель Клер с тростью для выправки осанки – обучала менуэту и полонезу.

Старенький итальянец Карло с вечно красным носом – ставил вокал, заставляя петь арии до хрипоты.

Сухопарый немец Герр Вебер щёлкал линейкой по пальцам за ошибки в французских глаголах.

И самый добрый – старый Борис Борисович, учивший игре на клавесине, чьи морщинистые пальцы становились нежными, касаясь клавиш.

– Ваш батюшка приказал обучать вас, как подобает дворянке, – говорили они.

Анастасия не понимала, зачем человеку, которого сослали в дальний флигель и заставляли чистить подсвечники, нужны все эти науки?

Однажды, девочка притаилась за тяжёлым портьером, случайно подслушав разговор, который перевернул её понимание всего.

Отец и Элеонора стояли в кабинете, освещённые дрожащим светом камина.

– Ты забываешь, – холодно произнёс Арсений, постукивая перстнем по стеклу витрины с фамильным серебром, – что Анастасия до сих пор первая наследница. Пока ты не родишь сына, всё это – её.

Элеонора застыла, её пальцы сжали складки лилового платья так, что шёлк закрипел.

– Ты угрожаешь мне? – её голос звучал как лёд, но глаза горели яростью.

– Я напоминаю, – он развернулся к ней, и тень от его фигуры накрыла её целиком. – Три года, Эля. Ты обещала подарить мне сына ещё в первый месяц. А вместо этого – одни выкидыши и мёртвые роды.

Тишина повисла тяжёлой пеленой.

– Если в ближайший год ничего не изменится, – он спокойно подошёл к бутылке коньяка, наливая себе, – я найду себе новую жену. Молодую. Здоровую. Которая не разочарует.

Глаза Элеоноры сверкнули чем-то диким, но она только усмехнулась, проводя пальцем по горлышку графина.

– Может, это не я разочаровываю? – её шёпот был опасно тих. – Может, твоя кровь уже слишком старая, чтобы дать жизнь?

Арсений замёрз. Затем – медленно, расчётливо – поставил бокал на стол.

– Осторожнее, дорогая, – он улыбнулся, но в этой улыбке не было ничего, кроме угрозы. – Иначе я решу, что тебе не нужны эти драгоценности, которые ты так любишь. Или комната, которую раньше занимала моя первая жена.

Анастасия не дышала. Она понимала теперь, почему Элеонора ненавидит её ещё сильнее, чем казалось.

Она – живое напоминание о том, что её положение шатко.

И если сын не родится скоро...

Элеонора может лишиться всего.

Утро пришло с ледяным дождем, стучавшим в заколоченные ставни. Анастасия проснулась от того, что что-то твердое и острое впилося ей в бок.

– Вставай! – гаркнула новая горничная Аграфена, бросая на кровать еще более грубое, чем обычно, серое платье. – Тебе велено служить в столовой. Никто не терпит лентяек.

В столовой царил холод.

Огромный дубовый стол блистал пустотой – ни скатерти, ни приборов, только один одинокий подсвечник с нагоревшим воском.

– Чисти! – Аграфена швырнула ей жесткую щетку. – Чтобы к обеду блестел, как зеркало.

Анастасия опустила на колени, водя щеткой по уже и так идеальному дереву. В отражении стола она увидела себя – бледную, с синяками под глазами, в грубом платье, которое болталось, как на чучеле.

Вдруг из стены раздался глухой стук.

Один. Два. Три.

Она замерла. Стук повторился – теперь яснее, будто кто-то бил кулаком в стену из соседней комнаты.

– Не обращай внимания, – прошипела Аграфена, появившись как из-под земли. – Это старый дом остывает. Или души покойников скребутся.

Но Анастасия знала – это был ритм маминой колыбельной. Тот самый, который она выбивала пальцами по спинке кровати, когда укладывала дочь спать.

Тот стук за стеной не сулит ничего доброго.

Анастасия замерла, вспомнив, как мать шептала ей перед сном: «Если услышишь три удара, потом два – прячься, доченька. Это предупреждение».

Теперь предупреждение стучало в её стене.

Три удара. Пауза. Два.

Ровно как в тот вечер, когда мать умерла.

Ледяные пальцы страха сжали её горло. Это был не просто звук – это было напоминание. Кто-то идёт за ней.

Три дня спустя после рокового разговора в кабинете, по усадьбе пополз шепот.

– Видела сама, как барышня травы в чайницу подсыпает...

– А ночью у ее дверей шепчется, заклинания читает...

– Недаром у госпожи животик на третьем месяце снова опустился...

Слова, как ядовитые змеи, переползали из людской в кухню, из конюшни в барские покои. К утру слухи дошли до Арсения.

Анастасию втащили за руку, швырнув на персидский ковер перед отцовским креслом.

– Ну что, дочь, – голос Арсения был тихим, как полз змеи перед ударом, – оказывается, ты не только бесполезная обуза, но и ведьма?

Элеонора сидела рядом, бледная, с фиалковыми тенями под глазами, играя платочком у рта.

– Я... ничего... – Анастасия задохнулась от ужаса.

– Молчать! Отец врезал кулаком по столу. Чернильница подпрыгнула, оставляя кровавые брызги на бумагах. – Ты отравила мать, теперь губишь мачеху? Наследства ждалась?

Анастасия вскинула голову, впервые за три года осмелившись возразить.

– Если бы я хотела наследства, я бы отравила вас обоих!

Тишина повисла густая, как смерть.

Элеонора вдруг закашлялась – истерично, наигранно, указывая на девочку дрожащим пальцем:

– Видишь? Видишь, как она на меня смотрит? Она и сейчас наводит порчу!

Арсений медленно поднялся, подойдя к окну.

– Сегодня же отправишься к тетке в пансион. Без слуг, без учителей. Пусть крестьянский труд выбьет из тебя дьявольщину.

Анастасия заметила, как Элеонора улыбнулась уголком рта, поправляя мамину брошь на своей груди.

Барышню вывели из кабинета, а за ней следом вышла Эйхлер.

– Ну что, наследничек? – прошептала Элеонора, наклоняясь так близко, что Анастасия почувствовала запах мятного ликера на ее дыхании. – Теперь это мое. Как и все остальное.

Внезапно рядом с Анастасией возник Доктор Гросс, как тень на стене больничной палаты, а теперь стоял за спиной Элеоноры, нервно перебирая золотую цепочку карманных часов, шепча что-то на ухо мачехе – слова, от которых та резко побледнела и сжала веер до хруста костяных пластин.

Из обрывков шепота Анастасия успела уловить лишь три роковых слова, сорвавшихся с губ доктора: «Всё готово, ваше сиятельство».

Карета ждала у черного хода – простая, без гербов, запряженная одной тощей клячей. Старый кучер Степан, единственный из слуг, кто осмелился проводить ее, бросил в кузов узел с жалкими пожитками:

– Держись, барышня...

Глава 4. Дом мадам Леруа

Девятилетняя Анастасия прижалась к потёртой обивке кареты, когда экипаж наконец остановился. Вместо обещанного пансиона перед ней высился странный дом с малиновыми шторами и сладковатым запахом, от которого щипало в носу. Дверца распахнулась, и девятилетняя Анастасия выскользнула наружу, цепляясь за свой детский крестик – последнее, что осталось от прежней жизни.

– Где тётя? – дрожащим голосом спросила девочка, цепляясь за руку кучера. – Мне сказали, я поеду к тёте...

Кучер лишь грубо оттолкнул её в сторону, где уже стояла улыбающаяся женщина в слишком ярком платье.

– Какая прелестная куколка! – воскликнула мадам Леруа, приседая перед Анастасией. Её духи пахли конфетами и чем-то горьким. – Здесь тебе будет весело, мы будем петь, танцевать...

Анастасия испуганно озиралась.

В углу плакала девочка лет пятнадцати, растирая синяк на коленке.

По коридору прошлёпала босая девушка в одной рубашке.

Где-то играла разбитая шарманка, фальшиво выводявшая знакомый романс.

– Я хочу домой, – прошептала Анастасия, чувствуя, как слёзы катятся по щекам.

Мадам Леруа мягко взяла её за подбородок.

– Милая, у тебя больше нет дома. И сними крест, птичка, – её голос звучал мягко, как исповедь на духу. – Здесь он только мешает.

Анастасия невольно сжала серебряный крестик, подаренный матерью. На обратной стороне было выгравировано: «Спаси и сохрани».

– Я... не могу.

Мадам рассмеялась – звук, похожий на скрип несмазанных церковных врат.

– О, милая, ты же видела, что стало с твоей матушкой. Разве её Бог спас?

За спиной у мадам, в тени коридора, мерцали две иконы:

Святая Мария Египетская (бывшая блудница) – словно намёк на будущее.

Страшный суд – с грешниками в огненной реке.

Анастасия сделала шаг вперёд. Крест упал в грязь.

– Вот и умница, – мадам протянула руку, но не для объятий, а, чтобы перекрестить её – жест, больше похожий на заклинание. – Теперь ты под моей защитой. И моими молитвами.

Женщина средних лет провела дрожащую Анастасию в свой кабинет – комнату, душно пахнущую лавандой и чем-то металлическим. Пальцы женщины, обхватившие детский подбородок, оказались удивительно сильными.

– Ну-ка, покажи, что умеешь, – прошептала она, усаживая девочку на стул с вытертой обивкой.

Анастасия, стараясь не расплакаться, перечислила.

– Я... я умею играть сонаты Бетховена... и говорить по-французски... и...

– Ох, милочка, – мадам Леруа закусила губу, будто сдерживая смех. – Здесь это не понадобится.

Она обвела взглядом худенькую фигурку.

– Руки слишком слабы для прачечной... Глаза чересчур выразительные для кухни...

Внезапно наклонилась ближе.

– Скажи, голубка, папенька с тобой... играл во что-нибудь особенное?

Анастасия широко раскрыла глаза.

– В... в шахматы иногда...

Мадам Леруа громко рассмеялась, поправляя напудренный парик.

– Ах, какая прелесть! Настоящий ангелочек!

Она хлопнула в ладоши.

– Будешь убираться. Мыть полы. Выносить горшки. Пока не подрастешь.

Когда дверь закрылась за хозяйкой, Анастасия заметила, странные пятна на ковре – будто кто-то пролил вино и не оттер. Разорванное письмо в камине с обрывками фраз: «...девственность... цена... двести рублей...». Свой собственный силуэт в зеркале – такой маленький, такой потерянный.

В коридоре зазвенели колокольчики – где-то в доме прибыл важный гость.

Ночь опустилась на дом мадам Леруа, но спать не получалось. Анастасия, свернувшись калачиком на жесткой кровати, широко раскрытыми глазами смотрела в темноту.

Из-за стены доносились звуки, от которых по спине бежали мурашки.

Приглушенные вскрики, похожие то на смех, то на плач.

Шаркающие шаги – будто кто-то медленно танцует босиком.

Странное хлюпанье и тихие стоны, как будто кому-то больно, но он старается не кричать.

Глухие удары – то ли о стену, то ли о мебель.

Шепот, прерывающийся странными мокрыми звуками, которые Настя не могла распознать.

Вдруг раздался резкий скрип кровати и громкий стон – такой, что девятилетняя девочка вжалась в подушку, зажмурив глаза.

– Не бойся, – прошептала рыжая девочка с верхней койки. – Это просто... гости пришли.

– Какие гости? – дрожащим голосом спросила Анастасия.

Но ответа не последовало. Только новый звук – звон монет, рассыпающихся по полу где-то за стеной.

И вдруг... тихий детский плач, которого не могло быть в этом доме. Он длился всего несколько секунд, потом резко оборвался.

Анастасия накрылась одеялом с головой, но звуки проникали даже сквозь плотную ткань. Они складывались в жуткую мелодию, смысла которой маленькая княжна не понимала – и, возможно, это было к лучшему.

Утром она увидит.

Коричневые пятна на стене, которые вчера еще не было.

Обломок гребня с несколькими темными волосами в щели между половиц.

Следы пальцев на подоконнике – кто-то недавно крепко за него держался.

Но больше всего ее напугает взгляд старших девочек – пустой, как у фарфоровых кукол, которые слишком долго стояли на солнце.

Первые лучи солнца пробивались сквозь плотные малиновые шторы, когда Анастасия скребла щеткой пятно вина с ковра в коридоре. За дверями спален то и дело раздавались приглушенные стоны.

Хлопанье пробок от шампанского.

Грубый мужской смех, внезапно обрывающийся поспешными шагами.

Из комнаты номер семь вышла Клодетта – девушка с синяком в форме отпечатка пальцев на бедре.

– О, наша маленькая уборщица! – она качнула головой, поправляя сползший жемчужный браслет. – Мадам сказала, что ты еще слишком юна для настоящей работы...

Голос ее звучал насмешливо-жалостливо.

– Какой... работы? – Анастасия сжала мокрую тряпку, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

Смех Клодетты прозвенел, как разбитый бокал.

– Милая, разве ты не видишь? – она широким жестом обвела коридор с полуоткрытыми дверями, откуда доносилось шуршание шелков и тяжелое дыхание. – Это не пансион. Это фабрика удовольствий.

Из комнаты номер пять высунулась бледная Бланш.

– Нас учат не алгебре, дорогая, – она провела языком по запекшимся губам. – А как раздеваться за семь взмахов веера. Пить абсент, не морщась. Притворяться влюбленной за три серебряных рубля.

Анастасия почувствовала, как пол уходит из-под ног.

– Но... зачем вам это?

Клодетта наклонилась, и запах дешевых духов смешался с винным перегаром.

– Потому что мы – товар, малышка. А мадам Леруа продает нас по частям.

В этот момент дверь в конце коридора распахнулась, выпуская мужчину в мундире, поправляющего ремень.

С потолка упал окровавленный платок с вышитыми инициалами «В.Г.»

Где-то на кухне зазвенела посуда – словно кто-то спешно прятал нож.

Анастасия вдруг поняла эти стены помнят больше смертей, чем дворянское кладбище.

Глава 5. Кровь на малиновых шторах

Три месяца в доме мадам Леруа перевернули мир Анастасии.

Она уже знала, что стон за стеной может быть не от боли. Что красные пятна на простынях не всегда от вина. И что мужские руки оставляют не только монеты на тумбочке, но и синяки на бледной коже. Но в тот вечер всё было иначе.

Комната номер девять.

Треск разбитого стекла. Визг. Грохот опрокинутого стула.

Анастасия прижалась к косяку, когда из-за двери донесся сдавленный вой.

– Отстань! Отпусти! – голос Мари сорвался в истерический визг.

Ответный удар прозвучал как мясной топор, рубящий кость.

– Заткнись, тварь! – мужской рёв, пропитанный хересом и злобой. – Я тебя купил на всю ночь!

Щель в дверях открыла Анастасии картину, от которой кровь застыла в жилах.

Мари, прижатая лицом к ковру, с разорванным в клочья корсетом. Толстые пальцы клиента, впивающиеся в её бедра. Стальной блеск раскрытого ножа у её горла.

– Ну-ка улыбнись, сучка...

Клинок дрогнул – тонкая красная нить выступила на шее девушки. Щелчок дверной ручки.

– А ну отошёл, свинья!

Сюзанна ворвалась как ураган. Распущенные волосы – чёрное знамя смерти. Медный подсвечник – сверкающий жезл правосудия. Размах – от плеча до пят.

Удар!

Глухой стук металла о череп.

Тишина.

Потом – странный хруст, когда тело клиента ударилось виском об угол резного комода. Труп осел на пол, ещё дергаясь, когда, кровь начала заполнять узоры персидского ковра. Пальцы продолжали судорожно сжимать нож.

Сюзанна вытерла подсвечник о свои же кружевные панталоны.

– Вот и договорились, – прошептала она, пиная отвалившийся зуб ногой.

А за спиной у неё Анастасия стояла, не шелохнувшись, запоминая каждую деталь.

Первое убийство в её жизни.

Тишина после удара длилась ровно три секунды.

Анастасия не дышала.

Перед её глазами медленно разворачивалась странная картина.

Кровь, сначала алая, затем темнеющая до черноты, растекалась по дубовым половицам, заполняя щели между досками.

Палец мертвеца дёрнулся в последний раз, царапнув ножом по полу – скрип-скрип – и затих.

Запах – медный, терпкий, совсем не такой, как у крови из порезанного пальца.

Сюзанна тяжело дышала, подсвечник в её руке теперь напоминал окровавленный скипетр.

– Чёрт... – выдохнула она, отбрасывая прядь волос со лба и оставляя кровавый мазок на виске.

Мари рыдала, прижавшись спиной к стене, её руки дрожали, обнимая собственные плечи.

И только Анастасия стояла неподвижно, чувствуя, как что-то внутри неё... перестраивается.

Дом мадам Леруа проснулся от криков.

– Тише, дура! – мадам ворвалась в комнату в ночном чепце, но без тени сна в глазах. Её пальцы тут же впились в волосы Мари, заставляя ту замолчать. – Хочешь, чтобы вся улица проснулась?!

Она окинула взглядом комнату. Труп, неестественно скрюченный у комода. Осколки хрустального графина, сверкающие в луже вина. Анастасию, всё ещё застывшую в дверях

И вдруг...

Мадам Леруа улыбнулась.

– Ну что, мои цветочки, – её голос звучал почти нежно, – похоже, сегодня ночью вы получили самый важный урок.

– Маленькая мышка всё видела? – мадам Леруа прикурила сигарету, глядя на окровавленный ковер.

Она сделала шаг к Анастасии, протянув руку с неожиданной лаской.

– Теперь ты одна из нас.

Анастасия не плакала. Она смотрела, как Сюзанна отрывает клиенту пальцы (чтобы не опознали по перстням). Кухарка приносит мешок и пилу. Горничная моет пол молоком, чтобы собаки не учуяли кровь.

– Поможешь вынести в сад, – мадам положила руку на плечо Анастасии. – Река близко.

Луна освещала их путь, когда они волокли мешки к черной воде.

– Вы... не боитесь? – спросила Анастасия, видя, как течение уносит руку с бриллиантовым перстнем.

Мадам Леруа улыбнулась:

– Страх – роскошь, детка. Ты научишься его продавать.

На следующее утро мадам вызвала Анастасию в кабинет.

– Ты холодна, как зимняя Нева. Молчалива, как могила. И видела то, что сломало бы других...

Она потянула шнурок – занавеска распахнулась, открывая вид на дворянский клуб через улицу.

– Через пару лет ты будешь там. Не на полу. Не на спине. А в постели графа или князя, собирая их тайны между поцелуями.

Взгляд её стал острым, как тот нож.

– Хочешь власть, девочка? Начни с их слабостей.

Глава 6. Визит полицмейстера.

На следующее утро Анастасия, протирая пыль с почтового столика, случайно задела стопку свежих газет. «Санкт-Петербургские ведомости» раскрылись на злополучной странице.

«Пропал без вести статский советник Владимир Григорьевич Оболенский. Последний раз его видели выходящим из заведения мадам Леруа на Садовой...»

Ледяные пальцы сжали горло Анастасии. Она в два прыжка оказалась перед дверью кабинета мадам, даже не постучав.

– Он... они пишут... – девочка задыхалась, тыча пальцем в газету.

Мадам Леруа, не отрываясь от счётов, медленно подняла глаза:

– Кто пишет, милая?

– Газета! Про вчерашнего... про того...

– Ах, этот милый статский советник? Мадам аккуратно перевернула страницу. Он действительно был здесь. Выпил бутылку шампанского, послушал Сюзанну на фортепьяно... и ушёл в три ночи. Ты же спала, не так ли?

Её тёмные глаза впились в Анастасию, словно гвозди, прибивающие крышку гроба.

– Но... кровь... комод... – прошептала девочка.

– Какой комод, глупышка? – мадам звякнула костяшками счётов. – В комнате номер девять новый комод. Розового дерева. Без единой царапины.

Она встала, обхватив подбородок Анастасии холодными пальцами:

– Ты спала. Он ушёл. А если полиция спросит...

Пауза растянулась, как петля на шее.

– ...ты ничего не видела. Поняла?

За окном громко закаркала ворона – точно такая же, как вчера на пристани, когда они бросали мешки в воду.

Три дня спустя в дом мадам Леруа явился полицейский пристав с серебряными пуговицами.

Анастасия, подметая парадную лестницу, застыла, услышав знакомый голос:

– Пропавший без вести статский советник Оболенский. Последний след – ваш дом, мадам.

Сквозь приоткрытую дверь кабинета она видела, как мадам Леруа с улыбкой подносит приставу рюмку коньяку. Её рука невзначай касается его запястья, оставляя золотую монету в манжете.

Газета со статьёй о пропаже лежит под пресс-папье в виде обнажённой нимфы.

– Ваше благородие, – сладко произнесла мадам, – у меня на ночь были только три гостя: купец Сидоров, доктор Гросс и...

Она искусно замялась, опустив глаза:

– ...молодой князь Д., но его отец попросил сохранить это в тайне.

Пристав закашлялся, торопливо записывая в бумажник – фамилия князя сработала лучше любого алиби.

– А дети... – он вдруг указал пером на Анастасию в дверях. – Они всё видят. Может, допросим?

Сердце упало в подол фартука.

Мадам рассмеялась, бросив Анастасии горсть леденцов.

– Сиротка глухонемая от рождения, ваше благородие. При церкви подобрали.

– Покажите вашу книгу посетителей.

Пристав, недоверчиво щурясь, потянулся за толстой книгой в сафьяновом переплёте, которую мадам Леруа тут же извлекла из ящика стола. Его засаленные пальцы листали страницы, выискивая следы подчисток, но...

– Идеальный порядок, – пробормотал он, тыча в запись: «22 октября. Статский советник В.Г. Оболенский. Комната №5. Девушка – Мари. Время – с 23:00 до 3:00. Оплачено золотом.»

Мадам вздохнула, прикрыв веером улыбку.

– Бедняжка Мари теперь в лазарете. Неприятная болезнь, знаете ли... – Она сделала паузу, доставая флакон с розовой эссенцией. – Но для вас, ваше благородие, у меня есть прелестная Лиза или томная Клара. Бесплатно, разумеется.

Его взгляд скользнул к Анастасии, стоящей у дверей.

– А эта? Молодая. Чистая.

В комнате вдруг стало холодно.

– Ваше благородие! – мадам резко захлопнула книгу. – У меня приличное заведение, а не бордель для растлителей! Её каблук громко стукнул по полу. – Сюзанна! Проводи гостя к Кларе!

Дверь захлопнулась с глухим стуком. Мадам Леруа впилась пальцами в плечо Анастасии:

– Видела, как пахнут волки? Теперь знаешь.

Девочка молча кивнула, чувствуя, как холодный пот стекает по спине.

Час спустя.

Анастасия скребла щёткой пятно на паркете, когда из комнаты Клары вышел пристав. Он поправлял ремень, лицо расплылось в самодовольной ухмылке.

– Ну-ка, птенчик... – его сапоги гулко застучали по полу.

Она вжалась в стену, но он настиг её за два шага.

– Я знаю, ты что-то видела, – горячее перегарное дыхание обожгло щёку. – Выясню всё. И твой «приличный дом» закроем. А ты...

Грубые пальцы вцепились в прядь её волос, резко дёрнули голову назад.

– ...мы с тобой хорошо повеселимся.

Сердце Анастасии бешено заколотилось. В глазах потемнело.

– Ваше благородие! – резкий голос Сюзанны разрезал воздух.

Она стояла в дверях, перекрестив руки на груди. В правой – блестел кухонный нож для разделки дичи.

– Вас ждут дела поважнее, – её улыбка не добралась до глаз. – Позвольте проводить.

Пристав фыркнул, но отпустил Анастасию. Его последний взгляд обещал. Это не конец.

Когда карета уехала, Сюзанна прошептала. – Он не первый. Не последний. Научись кусаться – или сдохнешь.

Сюзанна подозвала Анастасию и отвела к себе в комнату. Усадила за стол перед зеркалом.

Тёплый свет канделябров мягко озарял будуар, где воздух был пропитан ароматом жасмина и дорогих духов. Шёлковые драпировки, зеркала в золочёных рамах и бархатные диваны создавали атмосферу роскоши, за которой скрывались тысячи тайн.

Сюзанна, опытная куртизанка с уверенными движениями и хищным блеском в глазах, стояла позади Анастасии, поправляя её локоны. В её руках блеснула тонкая булавка.

– Волосы – твоё оружие, милая, – прошептала она, вплетая булавку в тёмные пряди Анастасии. – Они видят лишь красоту, но не подозревают, что в ней может скрываться жало.

Анастасия, ещё не привыкшая к правилам этого изысканного мира, смотрела в зеркало широкими глазами.

– Но зачем? – начала она, но Сюзанна мягко, но властно перебила её.

– Потому что мужчины бывают разными. Одни дарят бриллианты, другие – синяки. И если вдруг ласка превратится в угрозу... – её пальцы провели по булавке, скрытой в причёске, – ты должна быть готова.

Анастасия вздрогнула, но кивнула. В её невинном взгляде мелькнуло понимание – этот дом был не только местом наслаждений, но и полем битвы, где красота и опасность шли рука об руку.

Сюзанна улыбнулась, довольная уроком, и добавила ещё одну булавку – на этот раз с крошечным рубином на конце.

– А эту оставь на видном месте. Пусть думают, что это просто украшение.

За дверью послышался смех гостей, и обе девушки встретили отражение друг друга в зеркале – одна уже закалённая, как сталь, другая – только начинающая учиться её остроте.

Глава 7. Доктор Гросс.

В доме мадам Леруа пьяные гости были наименьшей из бед. Крики, разбитые бокалы, синяки на бледной коже – всё это воспринималось как досадные, но неизбежные издержки ремесла. Настоящий ужас приходил тихо, в полированных ботинках, с аккуратным кожаным чемоданчиком.

Его звали доктор Гросс.

Он не повышал голоса, не пускал в ход кулаки. Он просто работал.

Когда у девушки обнаруживалась нежелательная проблема, мадам Леруа вызывала его. Сначала – травы, отвары, сомнительные пилюли. Если не помогало – хирургическое вмешательство. Доктор Гросс делал это быстро, почти профессионально. Почти.

Некоторые после его операций больше не вставали.

«Осложнения», – вздыхала мадам, и все понимающе кивали.

Особо фертильным он предлагал радикальное решение – чтобы больше не беспокоили. Некоторые соглашались. Не все выживали.

А те, кто понимал слишком поздно, туго перетягивали животы корсетами, пили сомнительные зелья, молились и надеялись. Иногда это срабатывало. Иногда – нет.

И тогда в саду за домом, под старым вязом, появлялись новые холмики. Безымянные.

Но доктор Гросс умел не только убирать – он умел возвращать.

Невинность.

За определенную сумму он восстанавливал её, как портной подшивает подол. Аккуратные швы, безупречный результат.

Анастасия видела, как после его визитов девушки бледнели, но молчали. Видела, как по ночам на третьем этаже слышались сдавленные стоны. А утром – пустые кровати.

И каждый раз, когда в коридоре раздавался мягкий стук его каблуков, по спине пробегал холодок.

Потому что доктор Гросс никогда не ошибался.

Но самое страшное было даже не это.

Самое страшное – что однажды она сама могла оказаться перед ним на кушетке.

И тогда в саду появился бы ещё один безымянный холмик...

Лопата глухо стукнула о камень. Анастасия на мгновение замерла, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Рядом, прислонившись к стволу вяза, стояла Катя – бледная, с пустым взглядом, обхватившая себя за живот. Она едва держалась на ногах, но помогать копать не могла – руки дрожали слишком сильно.

– Почти готово, – прошептала Настя, хотя знала, что эти слова ничего не значили.

Катя только кивнула. Её губы были бескровными, а в глазах – та пустота, которая бывает только у тех, кто уже перестал надеяться.

Из окна второго этажа за ними наблюдала мадам Леруа. Неподвижная, как тень, с тонкой сигарой в руках. Она не вмешивалась – лишь оценивала.

Когда яма стала достаточно глубокой, Настя вылезла, отряхнула запачканную землёй юбку и протянула Кате руку. Та покачала головой.

– Я сама.

Она опустила свёрток в яму – аккуратно, почти бережно. Будто боялась разбудить.

Настя быстро закидала землёй, стараясь не смотреть. Но краем глаза всё равно видела – маленький, сморщенный пальчик, мелькнувший среди грязи.

Катя не плакала. Она просто стояла и смотрела, как исчезает последнее доказательство того, что это вообще было.

Когда всё было кончено, мадам Леруа наконец вышла во двор.

– Хорошая работа, – сказала она, выпуская дым. Голос был ровным, без намёка на эмоции. – Но в следующий раз копай глубже. Собаки не должны раскапывать.

Настя кивнула.

Мадам задержала на ней взгляд чуть дольше, чем нужно, потом медленно обвела глазами её фигуру – оценивающе, как торговец скотом осматривает лошадь перед покупкой.

– Пора, – наконец произнесла она. – Ты больше не девочка. Пора учиться.

Настя почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она знала, что это значит.

Катю уже увели в дом – доктор Гросс ждал её в своей комнате. Скоро она снова сможет работать. Если, конечно, выживет.

А Настя... Настю ждало другое.

Мадам Леруа не тратила время на тех, кто не окупался. Но в Насте она видела потенциал.

Девчонки – товар ходовой, но скоропортящийся. А вот настоящие жемчужины – те, кто умеет не просто отдаваться, а владеть – встречались редко.

И мадам Леруа знала толк в инвестициях.

Глава 8. Первый урок.

«Наука обмана: письма и почерки»

Будуар мадам Леруа был затемнён – тяжёлые бархатные шторы не пропускали ни луча дневного света. Лишь несколько свечей, закреплённых в канделябрах, отбрасывали дрожащие тени на стол, заваленный пергаменстами, сургучными печатями и пузырьками с таинственными жидкостями. Анастасия сидела за этим столом, её пальцы нервно перебирали края нераспечатанного письма.

Мадам Леруа, облачённая в тёмно-бордовый шёлковый пеньюар, стояла за её спиной. Её голос звучал как шёпот заговорщицы.

– Полицмейстер любит писать доносы. И в следующий раз, когда он появится здесь, он непременно захочет что-то узнать... или что-то скрыть. Ты должна быть готова.

Она взяла письмо из рук Анастасии и провела пальцем вдоль края сургучной печати.

– Видишь? Печать ещё цела, но письмо уже прочитано.

Анастасия наклонилась ближе.

– Но как?

Мадам Леруа улыбнулась и достала тонкий стальной инструмент, похожий на хирургический зонд.

– Если прогреть лезвие и аккуратно провести под печатью... воск слегка плавится, и конверт открывается, как по волшебству.

Она продемонстрировала – печать приподнялась, не треснув, и конверт раскрылся без повреждений. Анастасия ахнула.

– А как же подделка почерка?

Мадам Леруа развернула перед ней несколько листов с образцами писем.

– Каждый почерк – это узор. Надо изучить нажим, наклон, форму букв. Она указала на строки. – Сначала копируешь медленно, потом быстрее... пока рука не запомнит движения сама.

Анастасия взяла перо, попыталась повторить завитки чужого письма, но её линии вышли неровными.

– У меня не получается...

– Потому что ты боишься обмана, – мадам Леруа положила руку на её плечо. – Но в нашем мире ложь – такая же валюта, как золото. И тот, кто владеет ею лучше всех... никогда не останется в проигрыше.

За окном послышался стук копыт – где-то на улице остановилась карета. Мадам Леруа встрепелась.

– Он может приехать раньше, чем мы ожидали. Спрячь письма. И помни: самое важное – не просто прочитать чужую тайну, а сделать так, чтобы никто не догадался, что ты её знаешь.

Анастасия кивнула, пряча инструменты в потайной ящик стола. В её глазах уже не было прежней наивности – лишь холодная, расчётливая решимость.

Урок был усвоен.

Ночью Анастасия решила проведать бедную Мари. Она тайком сбежала из комнаты и решила узнать по больше. Из-за чего же все это произошло.

Чердак «лазарета» был затянут паутиной молчания. Сквозь щели в дощатых стенах пробивался лунный свет, выхватывая из темноты бледное лицо Мари, её дрожащие пальцы, сжимающие петлю из разорванной простыни. Анастасия, едва переводя дыхание после долгого пути по скрипучим лестницам, замерла на пороге.

– Мари... – её шёпот был похож на стон.

Девушка у окна вздрогнула, но не обернулась. Петля уже была накинута на балку.

– Уходи. Ты не должна была этого видеть.

– Стой!

Бумажный лист шуршит под её башмаком. Она поднимает его – письмо с сургучным отпечатком кольца.

– Уходи. Ты не должна была это найти, – Мари не оборачиваясь, произнесла пустым голосом.

Анастасия разворачивает письмо дрожащими пальцами.

– Это... план восстания?

Мари резко поворачивается. В её глазах – движущиеся тени, как в калейдоскопе безумия.

– Он упал из его штанов... когда его волокли по коридору. Кишка тогда оторвалась... (судорожно сглатывает) Я подобрала... из любопытства...

Анастасия видит кровь под ногтями Мари.

Рванный шов на плече сорочки – след чьих-то зубов?

Анастасия делает шаг вперёд.

– Ты не виновата!

Мари внезапно смеётся, и в этом смехе – лёд.

– Каждую ночь во сне он приходит. С вывернутыми суставами и спрашивает, – Где моё письмо, шлюха?

Резким движением Мари швыряет в Настю свёрток. Тот раскрывается в воздухе – это окровавленный обрывок мундира.

Мари уже ставит ногу на табурет.

– Возьми. Отнеси этим ублюдкам. Пусть режут друг друга.

Анастасия бросается вперёд.

– Нет! Мы можем...

Щёлк. Хруст. Тело Мари дёргается в странном танце, затем замирает. Нога в изящном башмачке качается в двух дюймах от пола.

Анастасия стоит, сжимая в одной руке письмо, в другой – клочья мундира. Где-то внизу хлопает дверь – мадам Леруа уже идёт на запах скандала.

На полу чернильная лужица медленно складывается в узор, похожий на дату: 14 декабря.

Скрип ступеней. Тяжёлые шаги. Дверь чердака распахивается, и в проёме возникает мадам Леруа – её тень, удлинённая светом керосиновой лампы, ложится на пол, как чёрный клинок.

Мадам Леруа останавливается, осматривает чердак.

– Ну вот...

Анастасия застыла, прижав к груди письмо. За её спиной качается тело Мари – лёгкое, как осенний лист на ветру.

Настя торопливо, с дрожью в голосе. – Я... я не виновата. Я пыталась её остановить, но...

Мадам Леруа спокойно, почти ласково, – Ты ни в чём не виновата, милая. Мари была... другой. Слишком хрупкой. Слишком слабой.

Она делает шаг вперёд, её туфля скользит по мокрому пятну на полу – вино? Кровь?

Анастасия протягивает письмо, – Она... она прочитала это. И не смогла вынести смерти Облонского.

Мадам Леруа берёт письмо, разворачивает. Её глаза пробегают по строчкам – и вдруг в них вспыхивает холодный, хищный блеск.

Она тихо, с улыбкой, – О, какой интересный подарочек...

Мадам Леруа смотрит на Анастасию, и в её взгляде – расчёт.

– Это письмо, детка, может быть ключом ко многим дверям. До событий – мы можем продать его тем, кто хочет их предотвратить. После – тем, кто захочет замести следы.

Где-то внизу хлопает дверь. Шаги. Кто-то поднимается по лестнице.

Мадам Леруа быстро, шёпотом, – Спрячь письмо.

Дверь открывается, и на чердак входит доктор Людвиг Гросс – высокий, сухопарый, с холодными глазами и чёрным саквояжем. Он бросает беглый взгляд на Мари, затем на Анастасию – без интереса, словно на мебель.

Доктор Гросс, сухо.

– Время смерти?

Мадам Леруа с лёгким вздохом.

– Только что обнаружили. Бедняжка... видимо, несчастная любовь.

Доктор кивает, достаёт часы, фиксирует время. Мадам Леруа незаметно скользит к нему, вкладывает в руку свёрнутую банкноту.

– За вашу скромность, доктор.

Гросс прячет деньги, не меняясь в лице.

– Официально – сердечный приступ. Похороны организуете?

– Разумеется.

Анастасия стоит, не двигаясь. Голос доктора... Он звучит так знакомо. Где-то в глубине памяти всплывает:

– Отвезите её в дом Леруа. Пусть научится жить по-новому.

Это он отдавал приказ кучеру в ту ночь, когда её привезли сюда. Но сейчас его взгляд скользит по ней без узнавания – просто ещё одна девушка, просто ещё одна смерть.

Доктор уходит. Мадам Леруа поворачивается к Анастасии – её глаза горят.

– Теперь, дорогая, поговорим о твоём будущем.

За окном ветер шевелит петлю, в которой ещё минуту назад билось живое сердце.

Часть вторая. Тень (гл. 9-16).

Глава 9. Рождение брата.

На следующий день дверь с треском распахнулась, в благоухающий коридор дома ворвался запах снега, конского пота и дешёвого табака. Полицмейстер, краснолицый от мороза и злости, тяжёлой поступью ввалился в прихожую, размахивая бумагой с печатью.

– Всё общим! Каждый сундук, каждую подушку!

Его грубый голос разнёсся по дому, заставив девушек наверху испуганно притихнуть. Но мадам Леруа лишь подняла брови, неспешно выйдя из гостиной. В её руках – чёрный веер, прикрывающий лёгкую улыбку.

– Какой неподходящий момент, мсье, – её голос звучал сладко, как прокисший мёд. – Вы видите?

Она плавным жестом указала на гроб, стоящий в центре зала. В нём лежала Мари – бледная, почти прозрачная, с неестественно аккуратно сложенными руками на груди. Свечи вокруг бросали дрожащие тени на её лицо, делая его то живым, то уже тронутым смертью.

– Через полчаса мы должны проводить бедняжку в последний путь. Неужели вы хотите перевернуть весь дом прямо сейчас?

Полицмейстер заколебался. Его взгляд скользнул по гробу, потом по девушкам, столпившимся на лестнице – все в чёрном, с красными от слёз глазами. Но мадам Леруа уже сделала шаг ближе, и её веер на мгновение раскрылся – ровно настолько, чтобы мелькнул уголок письма.

– Хотя... если вам так уж необходимо...

Она наклонилась, будто поправляя складку на покрывале гроба, и письмо случайно выпало из складок её траурной юбки. Полицмейстер поднял его – и лицо его стало серым.

– Это...

– О, не обращайтесь внимания. Просто старые бумаги.

Но он уже читал. Читал и понимал – в его руках список, где одно неосторожное слово могло поставить крест на карьере. Или жизни.

Мадам Леруа вздохнула.

– Странно, правда? Как случайно в таких списках могут оказаться даже имена тех, кто... ну, вы понимаете.

Полицмейстер резко сложил письмо, сунул его ей в руки и, не сказав ни слова, развернулся к выходу. Дверь захлопнулась с таким грохотом, что одна из свечей у гроба погасла.

В наступившей тишине мадам Леруа медленно подняла веер к губам, скрывая улыбку. Анастасия, стоявшая в тени, видела, как её пальцы сжимают письмо – теперь уже намеренно. Потому что это была не просто бумага. Это была власть.

Где-то наверху плакала одна из девушек. Но это не имело значения. Через час гроб вынесут.

Прошло пару дней и уже никто не вспоминал о Мари. Как будто её и не было.

Анастасия, перебирая утренние газеты, вдруг застыла – на странице светского хроника мелькнуло знакомое имя. «Юный князь празднует пятилетие...»

Рука дрогнула.

Брат.

Теперь он – наследник. А она – призрак, стертый из семейной истории.

Мадам Леруа, наблюдая за ней, мягко положила руку на плечо.

– Дорогая, ты теперь здесь. И у нас с тобой... большие планы.

Анастасия медленно сжала газету. И поняла, что для неё, как и для Мари, обратного пути тоже нет.

Тени от канделябров дрожали на стенах, обтянутых штофом, когда Анастасия сидела, сжимая в руках холодную фарфоровую чашку. Чай давно остыл, но она не замечала этого – её мысли метались, как испуганные птицы за решёткой.

Мадам Леруа подошла к окну, её профиль чётко вырисовывался на фоне ночного города.

– Ты думаешь, ты одна такая? – её голос прозвучал неожиданно мягко, почти матерински.

Она повернулась, и в её обычно холодных глазах Анастасия увидела что-то новое – живую боль, вывернутую наизнанку, как старый шов.

– Моя мать носила фамилию князей Оболенских, – начала она, и каждое слово падало, как камень в тихую воду. – А отец... был конюхом. Простой мужик с мозолистыми руками и запахом сена в складках одежды.

Анастасия замерла. В этих словах была такая горечь, что воздух между ними стал густым, как сироп.

– Родили меня в глухой деревне под Тверью. Мать прятала живот под корсетом до последнего... А когда я появилась на свет – нас выбросили, как падаль.

Мадам Леруа провела пальцем по подоконнику, оставляя след в пыли.

– Мы выживали. Мать стирала бельё у купчих, а я... я собирала объёдки на рынке. Пока в один день она не легла спать – и не проснулась. Мне было десять.

В горле Анастасии встал ком. Она видела перед собой не властную хозяйку элитного борделя, а ту девочку – грязную, голодную, стоящую над остывающим телом матери.

– Потом был дом на Сенной... Тот, куда попадают те, кому некуда больше идти. Её голос дрогнул, но тут же окреп. – Ты знаешь, что значит быть проданной в двенадцать лет?

Анастасия не нашла, что ответить.

– Но я выбралась.

Мадам Леруа внезапно улыбнулась, и в этой улыбке было что-то хищное.

– Каждую ночь, каждую минуту унижений я копила – деньги, знания, связи. И когда мой первый клиент задохнулся у меня на груди от апоплексического удара... я не вызвала врача. Пока он остывал, я обыскала его бумажник.

Она подошла ближе, и её парфюм – дорогой, с нотками апельсина и гвоздики – вдруг показался Анастасии маской, скрывающей запах той давней нищеты.

– Ты спрашиваешь себя, что делать дальше?

Мадам Леруа положила руку на её плечо.

– Выживай. Пока не сможешь диктовать условия самой. А потом... отомсти всем, кто считал тебя грязью.

За окном прокричала сова. Где-то в доме пробили часы. Анастасия вдруг поняла – перед ней не просто история. Это было зеркало. И её собственное отражение в нём больше не было прежним.

Глава 10. Уроки оболыщения

Анастасия училась усердно.

Она впитывала знания, как высохшая земля – дождь. Каждое движение, каждое слово, каждый взгляд – всё должно было быть идеальным. Она наблюдала за старшими девушками, за клиентами, за самой мадам Леруа, которая умела обвораживать мужчин одним лишь поворотом запястья.

Но теория – ничто без практики.

И Анастасия нашла себе подопытного.

Каждый четверг почту в дом приносил юноша лет восемнадцати – стройный, темноволосый, с робкой улыбкой и слишком честными глазами. Он краснел, когда Настя «случайно» задевала его пальцы, принимая письма. Заикался, когда она намеренно наклонялась так, чтобы он мог разглядеть изгиб её шеи.

Он был идеальной мишенью.

Первый поцелуй она отдала ему – холодный осенний вечер, тёмный коридор, его дрожащие руки на её талии. Она не любила его. Даже не испытывала влечения. Для неё это был лишь эксперимент – проверка собственной силы.

И она победила.

Юноша влюбился – безнадёжно, безрассудно, как может влюбиться только неопытный мальчишка. Он шептал ей о побеге, о маленьком домике у моря, о другой жизни.

Анастасия слушала, улыбалась, целовала его в уголок губ – и думала о другом.

Её интересовали письма мадам Леруа.

Тонкие, запечатанные конверты с гербами знатных домов. Деловые предложения. Счета. Имена.

Информация.

Потому что Анастасия уже поняла главное: в этом мире настоящая власть – не в красоте, не в постели, не в умении оболыщать.

А в знаниях.

И она собирала их, как оружие.

По одной букве. По одному шёпоту. По одному украденному взгляду на чужие секреты.

Юноша же так и не понял, что был для неё всего лишь...

Учебным пособием.

Анастасия наловчилась вскрывать конверты так искусно, что даже мадам Леруа не замечала подмены. Воском, нагретым от пламени свечи, она аккуратно снимала печать, прочитывала письмо и возвращала его на место – без единого намёка на вскрытие. Это был опасный ритуал, но именно в нём Настя чувствовала себя по-настоящему живой.

Одно из таких писем заставило её сердце учащённо забиться.

В нём, среди светских любезностей и намёков, скрывалось нечто большее – переписка с покровителем из высших кругов. Имя не называлось, только инициалы и загадочные фразы, словно шифр:

«Ваш «соловей» готов к отправке. Жду в обычном месте после полуночи»

«Благодарю за «жемчуг». Он оказался чище, чем ожидалось»

«Старая болезнь возвращается. Требуется новое лекарство»

Анастасия перечитывала строки снова и снова, но смысл ускользал. Что за «соловей»? Какой «жемчуг»? И почему мадам Леруа, хозяйка публичного дома, так осторожно общается с кем-то из высшего света?

Она не сомневалась – за этими словами скрывалась игра, где ставки были куда выше, чем судьбы девушек из борделя. Но чтобы понять правила, нужно было разгадать шифр.

А пока... пока она копила знания.

Каждый четверг она продолжала флиртовать с почтальоном, но теперь её интересовали не только его робкие прикосновения. Она выпрашивала его о маршрутах, о других домах, куда он доставлял письма. Молодой человек, польщённый её вниманием, болтал без умолку – и даже не подозревал, что каждое его слово Анастасия бережно складывала в копилку своих догадок.

А вечерами, когда дом затихал, она тренировалась. Пробовала подбирать ключи к шифру, сравнивала почерки, искала закономерности.

Потому что однажды эти знания станут её оружием.

И тогда уже не мадам Леруа будет решать её судьбу.

Тогда она сама сделает свой выбор.

Глава 11. Уроки в алом будуаре

Три года упорного труда пролетели незаметно. Анастасия сдружилась с девушками из дома мадам Леруа и почти забыла о своём дворянском происхождении, о семье, которую когда-то покинула. Будучи самой младшей в «пансионе молодых девиц», она стала всеобщей любимцей. Старшие подруги спешили научить её всему, что, как они считали, пригодится перед началом неблагодарной работы.

Комната для занятий напоминала театральные кулисы: зеркала в пол, бархатные ширмы, на столе – разложенные «учебные пособия».

Урок первый: «Язык тела»

Сюзанна встала за спиной Анастасии, её холодные руки легли на плечи девочки.

– Сейчас ты – статуя. Дыши так, чтобы грудь не шевелилась.

Пальцы скользнули вниз, поправляя осанку.

– Плечи – назад. Взгляд – чуть исподлобья. Губы – приоткрыты, будто хочешь пить.

В дверь вошла рыжая Клодетта, томно зевнув.

– А теперь покажи, как будешь отстраняться, если клиент полезет под юбку слишком рано.

Анастасия рванулась в сторону, но Сюзанна поймала её за запястье.

– Не убегать! Скользнуть, как угорь. – Её ноготь впился в кожу, рисуя траекторию. – Шаг влево, рука к его груди, шепот: «Ах, вы нетерпеливы...»

Урок второй: «Опасные напитки»

На столе появились три бокала.

– Первый пахнет миндалем – цианистый калий. Второй – мятой, но горчит (снотворное).

Третий – чист.

Мадам Леруа, наблюдающая из угла, бросила в один из бокалов перстень.

– Если серебро почернеет – вино с мышьяком. Выпей, но не глотай.

Анастасия закашлялась, выплевывая жидкость в кружевной платок.

– Недостаточно, – прошипела Сюзанна. – Научись держать во рту, пока не отвернешься.

Урок третий: «Игра в невинность»

Бланш раскинула на кушетке рубашку с искусственной кровью.

– Мужчины платят вдвое за «первый раз». Надо уметь его... устраивать. – Она вложила Анастасии в руку стеклянную капсулу. – Раздавишь зубами в нужный момент.

Девочка сжала капсулу – внутри адела густая жидкость.

– А если проверят?

– Тогда, – Сюзанна провела ножом по собственному пальцу, капля крови упала на простыню, – покажешь это. Настоящее всегда убедительнее.

Урок четвертый: «Крик о помощи»

Клодетта прижала Анастасию к стене, имитируя насилие.

– Кричи «нет», но так, чтобы за дверью подумали – «да».

Девочка застонала, но Сюзанна заткнула ей рот.

– Слишком честно. Снова.

К третьей попытке Анастасия выдала идеальный стон – томный, но с дрожью страха.

– Теперь запомни, – Сюзанна сунула ей в руку булавку. – Если станет по-настоящему страшно – вот твой голос.

Финал урока.

Мадам Леруа распахнула окно, впуская запах гниющих лилий с кладбища.

Три года в доме мадам Леруа растворились, как дым. Анастасия, когда-то робкая девочка, теперь почти слилась с остальными обительницами пансиона – смеялась, училась, перени-

мала их повадки. Но одно отличало её от других: ей уже исполнилось пятнадцать, а её всё ещё не выставили на торги.

Остальных девушек мадам Леруа начинала готовить к аукционам гораздо раньше. Почему же с Анастасией всё иначе?

Шёпоты ползли по коридорам, цеплялись за шёлковые портьеры, шелестели за спинами.

«Она на особом счету...»

«Мадам что-то замышляет...»

«Или кто-то её уже приметил?..»

Мадам Леруа, конечно, слышала эти разговоры. Но она лишь улыбалась, поправляя кружевные манжеты, и продолжала обучать Анастасию – особенно усердно, особенно внимательно.

А потом, сразу после вечернего урока, когда свечи ещё не успели догореть, она собрала девушек в гостиной.

– Месье и мадам, – её голос прозвучал мягко, но так, что мурашки побежали по коже, – имею честь объявить аукцион. На сей раз – необычный.

Пауза. Вздохи. Предвкушение.

– Чистота юной Анастасии будет продана в следующую полную луну. Готовьтесь, мои цветы. Это станет событием.

И пока перепуганная Анастасия пыталась осознать услышанное, мадам Леруа уже скользила к выходу, оставляя за собой шлейф дорогих духов и неразгаданных намёков.

Глава 12. Аукцион страсти

Тонкие пергаментные письма, запечатанные черным воском с оттиском «L.R.», скользили в руки камердинеров самых влиятельных домов Петербурга и Москвы. В них – лишь несколько строк, выведенных изящным почерком:

«13-го числа, в полнолуние. Не опоздайте – таких больше не будет.»

И они приехали.

Не только те, кого звали, но и те, кто лишь слышал – через шёпоты в светских салонах, через намёки в клубах. Зал пансиона, обычно скрытый от посторонних глаз, сегодня пылал золотом и шёлком, а в воздухе витал тягучий аромат восточных благовоний.

И вот – она.

Анастасия.

Ее платье – серебристо-жемчужный шелк, струящийся, как лунный свет, – обрисовывало каждый изгиб. Черная кружевная маска скрывала лицо, оставляя лишь глаза – слишком взрослые для ее лет, слишком глубокие для невинности.

Музыка полилась, как мед, томная и густая.

И она задвигалась.

Каждое движение было обещанием. Каждый поворот – намёком. Она скользила между тенями и светом, то исчезая, то вновь появляясь – как сон, который нельзя удержать.

Реакция гостей не заставила ждать.

Старый князь Н., чьи пальцы, украшенные перстнями, сжали бокал так, что стекло треснуло. «Боже... Она – вылитая...». Он не договорил, но его сосед, граф С., бросил на него странный взгляд.

Банкир Д., человек расчетливый и холодный, неожиданно выпрямился, забыв про свой бокал шампанского, который опрокинулся на дорогой персидский ковер.

Молодой офицер – его дыхание участилось, а рука непроизвольно сжала эфес шпаги. «Это... не может быть просто танцовщицей.»

Один из «незваных» – мужчина в темном фраке, стоявший в углу, – вдруг резко наклонился вперед, будто узнав что-то. «Нет... неужели»

И среди всех этих мужчин – знатных, богатых, привыкших покупать всё, что пожелают – один не сводил с неё глаз.

Молодой офицер, не обладающий состоянием старых аристократов, но с горящим взглядом и честолюбием, способным сокрушить любые преграды.

Он потерял голову в тот же миг.

Пока остальные оценивали, подсчитывали, представляли её в своих будущих будуарах – он просто смотрел.

И понимал, что уже не сможет забыть.

Каждое движение Анастасии было искусством и пыткой.

Она скользила, как тень, то приближаясь, то исчезая в полумраке. Ее руки взмывали вверх, словно крылья птицы, готовой взлететь, но тут же опускались, будто скованные невидимыми цепями.

В одном движении, в повороте головы, в том, как ее пальцы дрогнули, коснувшись собственного плеча, было что-то неуловимо знакомое.

Мадам Леруа, стоявшая в тени, едва заметно улыбнулась.

– Отлично.

Когда музыка смолкла, в зале повисла тишина.

Анастасия замерла, грудь слегка вздымалась, а глаза... Они горели. Не страхом, не стыдом – вызовом.

Молодой офицер сделал шаг вперед, но его опередил банкир Д., хрипло бросивший:

– Я даю десять тысяч.

– Двадцать! – тут же отозвался князь.

Но офицер не смотрел на них. Он смотрел только на нее.

А она... словно улыбнулась под маской.

Мадам Леруа медленно подняла руку:

– Прошу торги начинаются.

И пока зал взорвался криками, Анастасия исчезла, оставив после себя лишь шлейф аромата жасмина и тайны.

Глава 13. Первая ставка.

Тишина длилась лишь мгновение – один вздох, один удар сердца.

А потом зал взорвался.

– Пятнадцать тысяч! – хрипло выкрикнул седой генерал, швырнув на пол свою визитную карточку.

– Двадцать! – тут же парировал банкир Д., бросая на стол толстую пачку кредитных билетов.

Мадам Леруа лишь улыбалась, медленно обводя взглядом разгоряченных мужчин. Ее веер плавно скользил в такт нарастающему ажиотажу.

Анастасия стояла неподвижно, как статуя, но ее пальцы чуть дрожали, сжимая шелк платья.

– Сколько же я стою? – мелькнула в голове мысль, и от этого стало одновременно горько и странно сладко.

– Тридцать тысяч! – молодой офицер бросил вызов, перекрывая голоса остальных. Его глаза горели – не жадностью, а чем-то другим. Чем-то опасным.

В углу зала незванный гость в темном фраке резко поднял голову.

– Пятьдесят – произнес он тихо, но так, что все услышали.

Наступила мертвая тишина.

Мадам Леруа наконец опустила веер.

– Пятьдесят три, – вдруг раздался новый голос. Все обернулись – в дверях стоял высокий мужчина в дорогом, но скромном сюртуке. Его лицо было скрыто тенью, но по тому, как вздрогнула Анастасия, стало ясно – она узнала его.

Офицер стиснул зубы.

– Пятьдесят пять!

– Сто, – тут же парировал незнакомец.

В зале ахнули. Даже мадам Леруа приподняла бровь.

Анастасия вдруг почувствовала, как пол уходит из-под ног. Сто тысяч... За что? За кого?

Но прежде чем кто-то успел сделать новую ставку, в окно ударил луч луны – и она увидела его лицо.

И тогда мир рухнул.

– Нет... – только и успела прошептать она, прежде чем темнота накрыла ее с головой.

Когда Анастасия открыла глаза, в ушах еще стоял гул голосов, а на губах – привкус медной монеты. Она лежала на кушетке в будуаре мадам Леруа, где все пахло лавандой и чем-то лекарственным.

– Ну вот и пришла в себя, – раздался надтреснутый голос мадам Леруа. Хозяйка сидела рядом, веером обмахиваясь с преувеличенной небрежностью.

– Какой же ты сделала спектакль, моя дорогая. Обморок прямо во время торгов... Хотя, возможно, это даже к лучшему.

Анастасия попыталась приподняться, но волна тошноты снова пригвоздила ее к кушетке.

– Кто... кто сделал последнюю ставку? – прошептала она.

Мадам Леруа вдруг стала серьезной. Ее веер замер.

– Сергей Владимирович Раевский. Ныне – действительный статский советник, член комиссии его императорского величества... – она сделала паузу, – А когда-то – просто полицейский, которого ты видела три года назад. Мы его в прошлый раз прогнали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.